

О.А. Хорошилова

Русские отряды особой важности в период Первой мировой войны

За последние годы интерес к истории Первой мировой войны заметно вырос. Переиздаются известные труды военных историков и теоретиков, мемуары участников. Выходят в свет монографии, сборники архивных документов и статьи, проводятся научно-практические конференции. Тем не менее в истории Великой войны все еще есть белые пятна. Одно из них — деятельность русских конных отрядов особой важности.

Цель статьи — на основе обнаруженных автором архивных документов и мемуарных свидетельств изучить историю формирования отрядов особой важности и исследовать основные этапы работы данных подразделений на Русском фронте Первой мировой войны.

30 октября 1915 г. началась история российского спецназа. В тот день штаб Походного Атамана великого князя Бориса Владимировича издал Приказ № 2 о формировании конных отрядов диверсионного характера. Однако неофициальная история этих частей началась чуть раньше. Генерал Клембовский утверждал, что идея создания отрядов возникла в августе 1915 г., когда некий А. Кучинский подал рапорт о формировании конных групп специального назначения¹. Однако его проект не был первым шагом в процессе формирования специальных конных частей. Первые диверсионные отряды на Русском фронте появились еще весной 1915 г. К примеру, 3 мая была сформирована Маньчжурская партизанская конная сотня в составе трех офицеров и 160 нижних чинов². В августе 1915 г. на Юго-Западном фронте работали уже 12 партизанских отрядов³. Один (из состава Туземной конной дивизии) находился в Полесье, но его расформировали «ввиду плохого знания чинами местного языка»⁴. Другие продолжали работать. В телефонограмме генералу Алексееву говорилось: «Условия местности и обстановки заставляют действовать то исключительно конных, то исключительно пеших, то тех и других вместе. В партии и отряды выделяются соответствующие лучшие офицеры и нижние чины; при-

своение определенных штатов не отвечало бы идее организации партизанских отрядов, делая их как бы регулярной частью»⁵.

Факт существования отрядов на Юго-Западном фронте в июле–августе косвенно подтверждал и П. Вершигора, но без ссылки на архивные источники: «25.8.1915 г. командующий Юго-Западным фронтом приказал командующим 8-й, 9-й и 11-й армиями развернуть активную партизанскую борьбу в районе Полесья. Партизанские отряды должны были задержать продвижение противника к Днепру, пробраться в Полесье и оттуда действовать по тылам противника, разрушать пути сообщения и телефонно-телеграфные линии, уничтожать обозы, склады и штабы противника»⁶.

Показательно, что большее количество отрядов специального назначения возникло на Юго-Западном фронте, где местные условия способствовали максимально активной и успешной работе конницы. 1 сентября 1915 г. был сформирован отряд особой важности из казаков Оренбургской дивизии. В него вошли 120 нижних чинов и четыре офицера⁷ (сотник Б. Шпицберг, хорунжий Л. Чулошников, сотник Н. Мензелинцев, хорунжий С. Рыжков). Вскоре к отряду присоединили партию казаков 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска (при одном офицере — сотнике А. Кузьмине). В десятых числах сентября начальником был назначен сотник Мензелинцев, но уже 29 числа на этой должности его сменил капитан Степан Леонтьев.

При 11-й кавалерийской дивизии также сформировали летучий отряд, в который вошли 32 казака из состава 12-го, 37-го и 42-го Донских казачьих полков, добровольцы Крымского конного полка⁸. Командирами партий стали: сотник В. Каргин, прапорщик барон Н. Розен, прапорщик фон Нольман, прапорщик Ямбулатов. Командиром отряда назначили подполковника 11-го уланского Чугуевского полка Остроградского.

9-я кавалерийская дивизия тоже могла похвастаться собственным отрядом специального назначения. Он был составлен из нижних чинов и офицеров 9-го драгунского Казанского, 9-го гусарского Киевского, 9-го уланского Бугского и 1-го Уральского казачьего полков. Аналогичное формирование, составленное из полковых конных разведчиков, было создано и при 12-й кавалерийской дивизии⁹. В десятых числах октября 1915 г. у деревни Кухотская Воля было обнаружено

подходящее для крупного набега «окно». Об этом тут же сообщили в штаб Юго-Западного фронта. Генерал Иванов благословил партизан на «дело».

По непроверенным данным разведки, в деревне находились два эскадрона драгун, три взвода егерей, рабочая рота, саперы и артиллеристы¹⁰. Для набега решено было направить пеший диверсионный отряд, в составе 250 человек из Оренбургской казачьей, 9-й и 11-й кавалерийских дивизий. В ночь с 20 на 21 октября партизаны отправились к Кухотской Воле. Подобравшись к деревне с помощью местных крестьян-проводников, партизаны преодолели проволочные заграждения, без единого выстрела сняли часовых и ворвались в деревню. Началась рукопашная. Немцы потеряли до 400 человек, в плен были захвачены пятеро. Наши потери: один убитый, 30 ранено, двое пропали без вести. Было уничтожено много двуколок, ящиков со снарядами и обозы.

Командование осталось довольно. Началась новая волна увлечения партизанской романтикой, и в Ставке решили, наконец, дать малой войне официальный старт. Контролировал процесс организации партизанских отрядов Походный Атаман, великий князь Борис Владимирович, а также начальник его штаба — генерал-майор А.П. Богаевский. 30 сентября 1915 г. штаб Походного Атамана великого князя Бориса Владимировича издал Приказ № 2 о формировании конных отрядов диверсионного характера.

Крупным успехом партизан стал набег на Невель в ноябре 1915 г. Был пленен штаб 271-го германского полка, а прапорщик 11-го Рижского драгунского полка Ямбулатов с Павлом Кузнецовым, рядовым того же полка, захватил начальника 82-й германской пехотной дивизии генерала Фабариуса¹¹. Но и партизанам пришлось заплатить дорогой ценой. В бою был смертельно ранен капитан Леонтьев, командир известного партизанского отряда Оренбургской казачьей дивизии, убиты пять человек, двое без вести пропали, ранены три офицера и 46 нижних чинов¹².

Вдохновленный этим славным делом, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал Иванов окончательно уверовал в победоносность малой войны и решил пробудить партизанский дух в своих подчиненных. Отныне каждый офицер диверсионного отряда получал в сутки по 2 рубля премиальных, если вел активную боевую

работу и мог предъявить ее результаты¹³. Генерал рекомендовал ввести это поощрение и на других фронтах.

Не за награды, но за победу сражался партизанский атаман Борис Анненков. В 1915 г., узнав о формировании диверсионных отрядов, он подал прошение Походному Атаману и был назначен атаманом отряда специального назначения Сибирской казачьей дивизии. Анненкову не было равных в бою. Лихой офицер и его партизаны работали отменно. Постоянно держали врага в напряжении, совершали набеги в тыл. Одним из наиболее успешных его дел стала атака немецкой пехоты у Барановичей 21 июня 1916 г., во время которой Анненков и его отряд захватили большую добычу. Офицер держал своих людей в ежовых рукавицах — не давал им расслабляться, лениться и «шалить». Дисциплина была жесткой, жаловались на партизан редко. Потому его отряд просуществовал вплоть до начала Октябрьской революции, затем был переведен в Омск для расформирования. Однако и там атаману удалось его сохранить, увеличить численность бойцов и влиться в белую борьбу в Сибири.

Славу партизана снискал и Василий Чернецов, донской казак, настоящий сорвиголова. В 1915 г. он возглавил партизанскую Сводную сотню особой важности 4-й Донской казачьей дивизии, с которой совершил много славных дел, получал похвалы и награды.

Успешно работал и отряд особой важности Шкуро. В 1915 г. его войсковые партизаны совершили несколько лихих рейдов в германский тыл. Во время одного из них они разгромили штаб германской дивизии и захватили в плен командовавшего ею генерала. Перед началом Брусиловского наступления летом 1916 г. отряд перебросили на Юго-Западный фронт, где партизаны Шкуро также отличились несколько раз. Затем часть была переведена в 3-й конный корпус графа Келлера. После Февральской революции Шкуро решил перебраться с партизанами в Персию — подальше от разложившейся армии и Керенского. Там уже шла интенсивная партизанская работа.

Еще в августе 1916 г. по распоряжению командующего 1-м Кавказским кавалерийским корпусом в каждой дивизии были сформированы конные партизанские сотни. Гористая местность, отсутствие сплошной линии фронта, а также удаленность от главных сил — все условия способствовали малой войне. В Персии казаки совершали один набег за

другим, и многие удачно. Самым громким был рейд отрядов Бичехарова и Гамалия в Месопотамию весной–летом 1916 г.¹⁴

На фронтах Первой мировой успешно работали и другие отряды особой важности — Быкадорова, Фельдмана, Сычева, Абрамова, известных боевых офицеров, которые в гражданскую войну возглавили похожие партизанские части. Образцовой диверсионной частью был и отряд атамана Пунина.

Несмотря на определенные успехи партизан, верховное командование вскоре разочаровалось в малой войне, так как ни один из отрядов не смог выполнить своей главной цели — прорваться в тыл противника и нанести его коммуникациям и живой силе серьезный урон. По утверждению генерала Брусилова, особенно бесчинствовали партизаны Западного и Юго-Западного фронтов: «Соседняя со мной 3-я армия, входившая в состав Западного фронта, несколько раз жаловалась мне на безобразия, которые партизаны творили у нее в тылу <...>. Однако и Иванов (командующий армиями Юго-Западного фронта. — О.Х.) с ними ничего поделаться не мог, ибо, наблюдив в одном месте, они перескакивали в другое и, понятно, адреса своего не оставляли»¹⁵.

Ставка спешно исправляла ошибки. В апреле 1916 г. по ходатайству Походного Атамана начался перевод партизанских отрядов в подчинение генерал-квартирмейстерским частям тех армий, на территории которых они базировались. Их подчинили армейскому и корпусному командованию для того, чтобы строже следить за работой партизан и координировать их действия¹⁶.

В первых числах мая 1916 г. в штабе Походного Атамана состоялось специальное совещание. Анализировали данные о работе партизанских отрядов с октября 1915 г. Сопоставляли, сравнивали, размышляли. Результаты не радовали. Оказалось, что из всех партизанских соединений боееспособными были только 30%. Богаевский так охарактеризовал положение «партизанских дел» на фронтах: «При настоящих условиях ведение отрядами чисто партизанских действий почти невозможно. Отряды, сгучиваясь в немногих местах фронта, где недопустима возможность действий, мешают друг другу, стесняют войска, занимающие участок, забивают их в тыл, вызывая недовольство местных начальников; оставаясь при своих дивизиях, отряды или бездействуют или им поручаются задачи боевой разведки с целью захвата контрольных

пленных. И то и другое имеет отрицательные стороны — первое вызывает порицание и зависть частей, да тягостно и самим партизанам; второе заставляет отряды нести большие потери отборнейшими людьми, не окупающие достигнутых результатов. Признавая настоящие условия неблагоприятными для партизанского дела, Великий Князь (Борис Владимирович. — *О.Х.*) находит вполне правильным <...> распустить партизан по их частям»¹⁷.

Однако этот приказ не означал окончание малой войны. Богаевский выразил надежду на то, что «рано или поздно настанет время, когда партизаны получат полную возможность работать». А потому генерал настоятельно рекомендовал проводить с партизанами занятия и направлять их на специальную работу, как только представится подходящий случай.

Кроме того, не подлежали расформированию отряды, в которых было от 250 до 350 человек, а также части смешанного характера и более сложной организации. Сократив количество отрядов и переподчинив их штабам армий, командование какое-то время могло контролировать партизан. С мародерством тоже сумели справиться: помогли запугивания.

В 1916 г. «окоп» в неприятельских расположениях стало еще меньше. В позиционной войне кавалерии сложно было найти работу. Но даже в таких условиях партизаны сумели организовать несколько удачных вылазок. Об одном из них рассказал Шкуро: «Из Черновиц мой отряд был переброшен в район Селетина. Мне были переданы еще три партизанских отряда: один казачий донской подьесаула Быкадорова («быкадоровцы»), уральский казачий подьесаула Абрамова («абрамовцы») и Партизанский отряд 13-й кавалерийской дивизии. Таким образом, теперь под моей командой состояло более 600 шашек. Действовать приходилось пешком в отрогах южных Карпат, причем работа наша координировалась с задачами, возлагавшимися на пехоту. В то время как пехота готовила лобовую атаку, я забирался в тылы неприятельского участка, нарушал коммуникации, производил разгром тылов, а если было возможно, то и атаковал неприятеля с тылу. Горы были страшно крутые, продвижение обозов невозможно, подвоз продуктов приходилось производить на выюках по горным тропинкам, вывоз раненых был затруднен. Вообще работа была страшно трудная.

Драться приходилось с венграми и баварцами. При взятии Карлибабы, где мы захватили огромную добычу, я был контужен в голову, причем у меня была разбита щека и поврежден правый глаз. Вскоре после этого мой отряд придали 3-му конному корпусу генерала от кавалерии графа Келлера»¹⁸. В целом же партизаны в тот период ограничивались контрольными разведками и демонстрациями.

В мае 1917 г. Александр Керенский расформировал большую часть отрядов особой важности. Этой участи удалось избежать отрядам Анненкова, Чернецова, Шкуро, Бичехарова и Гамалия. Не подлежал расформированию и отряд атамана Пунина. С ноября 1915 г. он успешно работал на Северном фронте, в составе которого оставался в самые сложные политические моменты 1917 г. Большинство конных спецгрупп, избежавших реформ Керенского, прекратили существование в сентябре–октябре 1917 г. Одни партизаны перешли на сторону формирующейся РККА, став кадровыми кавалеристами и преподавателями (в которых так нуждались тогда новая армия и власть). Другие подались в Белую армию, сформировали и возглавили партизанские части, аналогичные отрядам особой важности.

Можно ли назвать успешным боевой опыт специальных отрядов Великой войны? Скорее нет, чем да. Особые конные части не справились с поставленной задачей: практически никто не смог проникнуть в тыл и там основательно потрудиться, согласно инструкциям штаба Походного Атамана. Никто не устраивал грандиозных набегов и рейдов в духе Давыдова, не уничтожал штабов, складов, железных дорог... Кухотская Воля и Невель — безусловно, красивые партизанские «дела», никак не повлиявшие на ход отдельных операций и войны в целом, оказавшие лишь положительное воздействие на моральное состояние войск. Но что, в сущности, могли сделать эти небольшие конные отряды, столь зависимые от внешних позиционных обстоятельств и внутренних штабных противоречий? Им обещали сложную боевую работу, но зачастую держали в тылу без дела. Их перебрасывали с одного участка фронта на другой, но лишь с тем, чтобы прощупать местность и уточнить сведения о противнике. Своими скудными силами и ограниченными техническими средствами отряды были абсолютно не способны сделать «дырку» в позициях неприятеля и проникнуть в его тыл, о чем так сладко грезились генералам Ставки и Походному Ата-

ману. Самым эффективным видом операции мог бы стать мощный прорыв несколькими специальными отрядами, собранными в конкретном месте в конкретное время. Но для этого следовало сначала подготовить наступление, дожидаться, когда наша огненная машина разнесет первые линии заграждений и когда пехота хлынет в образовавшиеся пробоины, пульей и штыком выбивая австро-германцев с их позиций. И вот только тогда, в расширяющийся прорыв можно было бросать особые конные группы, чтобы они не дали противнику ни минуты отдыха, чтобы преследовали его, рвали коммуникации, окружали и брали в плен смешавшиеся в панике неприятельские войска... Но о таких наступлениях и атаках специальным частям приходилось лишь мечтать. Отряды, избежавшие расформирования в 1916 г., маялись без специальной работы и занимались корпусной разведкой — прочесывали местность, корректировали штабные карты, следили за противником, иногда устраивали вылазки за «языками». Весной и летом 1917 г. некоторым пришлось выполнять карательные функции — подавлять взбунтовавшиеся пехотные полки.

Однако то, что не смогли осуществить офицеры конных отрядов особой важности во время Первой мировой, они с лихвой компенсировали на полях гражданской войны, возглавив аналогичные маневренные конные партизанские формирования. И в этой связи отряды особой важности можно считать феноменом не только Великой войны, но и последовавшей за ней гражданской.

Примечания

1. *Клембовский В.Н.* Партизанские действия. Исследование. Пг., 1919. С. 225.
2. Сборник временных штатов управлений, учреждений, заведений и частей войск, сформированных на время войны, и изменений и дополнений к постоянным штатам, имеющих значение на тот же период. Ч. 1. Пг.: Главное упр. Ген. Штаба, 1916. С. 732.
3. Телефонограмма начальника штаба Юго-Западного фронта генералу Алексееву за № 1768 от 28 августа 1915 г. (копия для поручика Пунина) // Архив О.А. Хорошиловой.
4. Там же.
5. Там же.

6. *Вершигора П.* Военное творчество народных масс. М., 1961. С. 685.
7. *Куретин Ю.* Партизаны 1915 года // Военный комментатор. 2002. №1(3). С. 27–29.
8. Там же.
9. Там же.
10. *Вершигора П.* Указ. соч. С. 689.
11. Генерала Фабариуса арестовали и планировали отправить в штаб Брусилова для допроса. Однако осуществить это не удалось, так как 30 ноября по дороге в штаб генерал покончил с собой, перерезав горло бритвой (по другим источникам он застрелился).
12. Приказ войскам 11-й армии за №30 от 13 января 1916 г. №1818. §1 // Архив О.А. Хорошиловой.
13. Приказ Главкома Юго-Западным фронтом Иванова от 15 ноября 1915 г. №1546 // Архив О.А. Хорошиловой.
14. Подробнее об этих отрядах см.: *Стрелянов (Калабухов) П.Н.* Казаки в Персии. М.: Центрполиграф, 2007.
15. *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 1943. С. 173.
16. Телефонограмма на имя поручика Пунина из Штаба Походного Атамана от 24 апреля 1916 г. №124 // Архив О.А. Хорошиловой.
17. Приказ начальника штаба Походного Атамана начальникам штабов фронтов и армий за №158 от 9 мая 1916 г. // Архив О.А. Хорошиловой.
18. *Шкуро А.* Записки белого партизана. М., 2004. С. 66.